

Посткоммунизм, как логическая фаза развития евразийской цивилизации

Я прошу прощения, что по уважительным причинам не смог представить тезисы своего выступления для ознакомления. Но в какой-то степени мое выступление будет основано на статье, посвященной будущему России, которая была опубликована в журнале "Полис" в № 5—6 за 1992 г., и которую любезно организаторы семинара обещали завтра размножить. Я же, со своей стороны, не хотел бы повторять изложенные в статье логику и аргументацию, а остановиться только на ряде ключевых моментов и каких-то вопросах, которые объясняют то, что вы можете прочесть в статье.

Несмотря на то что статья прямо называется "Будущее России", исследование будущего не было для меня самоцелью. Так получилось, что занимаясь вопросами формирования гражданского общества и политического государства в России, я столкнулся с тем, что невозможно дать адекватное представление о процессе формирования гражданского общества и политического государства в России, не дав предварительного ответа на ряд более общих методологических вопросов, и прежде всего на вопрос о специфике политического развития России, ее месте в мировом историческом процессе и на вопрос о векторе исторического развития страны.

Так получилось, что эти два вопроса вышли на первый план, и прежде чем приступить к тому исследованию, которое я предполагал провести по вопросу гражданского общества, мне пришлось попытаться дать ответы на эти вопросы.

Сложность заключалась в том, что состояние, в котором находятся общественные науки, в частности, сейчас в России, и главная методология этих наук, не дает возможности адекватно отвечать на подобные общие вопросы. Мне кажется, что методология нашей политической науки в какой-то степени получена стихийно в результате отрицания тех методологических установок, которые господствовали в науке до этого в течение нескольких десятилетий.

В чем суть проблемы? Суть проблемы состоит в том, что сегодня методологически у нас два момента являются ключевыми. Во-первых, это сосредоточенность на изучении общего, универсального, т.е. акцентирование внимания именно на том, что соединяет Россию с миром, на том, что Россия часть мира, что она развивается по общим законам; и второе, что присуще нашей политической науке сегодня, — подчеркнутый эмпиризм и такая своеобразная, я бы сказал, фрондерская, антитеоретичность.

Мне кажется, что и первое и второе не случайно, потому что они являются реакциями на прошлое состояние науки. С одной стороны, вот это подчеркнутое внимание ко всему универсальному, к общим ценностям, к общим путям развития, к аналогиям в развитии России и мира связано с подчеркиванием десятилетиями особого характера развития России, особого выбора, своего рода социалистическим изоляционизмом. Реакцией на такой социалистический изоляционизм, на такую социалистически-коммунистическую особость, которая культивировалась наукой прежнего СССР, и стало чрезмерное подчеркивание общего и универсального.

В том же, что касается такого же подчеркнутого эмпиризма, мне кажется, тоже есть черта отрицания господства исторического материализма и тех догматических схем, которые существовали в науке. Отсюда стремление уйти от всякого философствования, от каких-то более глубоких проблем.

Я полагаю, что методология, которую мы сейчас используем, во многом получена как побочный результат идеологического процесса, поэтому использовать ее для ответа на ключевые вопросы, стоящие перед исследователями России, нельзя.

С другой стороны, есть проблема и у западной науки, когда она подходит к решению вопроса о судьбе России, о ее будущем. Мне кажется, что Запад сталкивается с серьезной проблемой культурной идентификации России. Потому что, с одной стороны, происходит как бы отнесение России к Европе, когда она является частью западного мира, и от нее ожидается как бы вполне нормальное "западное" развитие, западное поведение. Естественно, я сейчас условно употребляю термин "западный", т.е., предполагается развитие демократических институтов, становление, так сказать, традиционной европейской демократии. Это одна сторона проблемы.

Вторая сторона проблемы в том, что в то же самое время Россия и не отождествляется с западной цивилизацией, т.е. больше относится к Востоку, в ней как бы отрицается возможность развития самоорганизации, самоуправленческих институтов и как бы подчеркивается, что развитие России в сторону европейских демократических рыночных ценностей может пойти только при наличии в стране сильного харизматического лидера, который будет подталкивать страну к этим ценностям, сможет стать единственным гарантом демократического развития в стране.

Отсюда очень интересное явление: западная общественная мысль и политические деятели до последнего момента поддерживают того или иного лидера государства, будь то Горбачев или Ельцин, даже тогда, когда становится очевидно, что их политические действия направлены в другую сторону от демократии в традиционно-европейском понимании этого слова. Тем не менее они продолжают парадоксально рассматриваться именно как гаранты демократического развития.

Все это приводит к применению двойного стандарта, демократического двойного стандарта в оценке России, т.е. существует один де-

мократический стандарт для того, что можно в Европе, и другой — что можно считать демократией в России.

Не вдаваясь в подробности, я хочу только подчеркнуть, что адекватной концепции политического развития России не существует на Западе. Этот двойной стандарт, особенно заметный в последние 3—4 месяца, в связи с обострением ситуации в России, подчеркивает отсутствие какого-то глубокого концептуального объяснения особенностей политического развития в нашей стране.

Подобные рассуждения все больше и больше подталкивали меня к мысли о том, что дать адекватную картину, адекватную модель политического развития в России вне вопроса о культурной идентификации страны, не через призму специфики ее культурного развития, специфики ее культуры невозможно.

Естественно, раз мы не будем начинать с этого вопроса, то адекватной концепции мы не получим. Двигаясь в этом направлении, я пришел к некоторым результатам, которые отличаются если не от общепринятых, то, по крайней мере, от популярных парадигм, объясняющих развитие современной России и ее место в мире.

На сегодняшний день, объясняя происходящее в нашей стране, прежде всего политические процессы, социально-экономические, мы исходим из двух парадигм.

Первая — революция большевистская 1917 г. и все последующее развитие рассматриваются как патология, отклонение от некой признанной нормы исторического развития и должны быть так или иначе исправлены. В связи с этим следует как бы естественно первый вывод: дальнейшее развитие России должно идти как преодоление этой патологии, этого исторического зигзага, и возвращение, как прямое или косвенное, к столбовой цивилизационной дороге, к некому нормальному европейскому пути, что предполагает признание универсальными европейских ценностей, европейских механизмов и их постепенное распространение в России.

Мне представляется, что:

— российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации; для России это была исторически *логическая* фаза развития;

— поскольку Россия представляет иной, чем Запад, тип культуры, то распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации; в посткоммунистическом российском обществе западные ценности не могут быть прямо заимствованы и усвоены, но неизбежно будут *перерабатываться* чуждой для них культурной средой.

В основу этих выводов легла определенная методология. Поскольку саму логику аргументации можно найти в статье, я хотел бы отметить здесь только основные посылки, от которых я отталкивался, анализируя ситуацию. Каждая из этих посылок сама по себе не является чем-то новым, каким-то откровением. Но в совокупности они представляли для меня некий метод исследования.

Прежде всего я исходил из того, что *культура России — это специфический, особый вид культуры, который как бы стоит особняком по отношению и к европейской культуре, и к культуре Востока.* Естественно, что в самом этом выводе нет ничего особенного, потому что всякая культура уникальна. Но для меня это было важно потому, что я хотел подчеркнуть: невозможно понять происходящее в России, действительно определить вектор ее развития, исходя только из того, что она принадлежит миру и поэтому на ее территории должны действовать универсальные законы исторического развития. То есть принадлежность миру не избавляет от необходимости исследовать место в мире, занимаемое данной культурой, ее специфические признаки. И более того, именно в исследовании этой специфики в рамках мирового процесса, наверное, и кроется тайна нашего развития.

Вторая посылка состояла в том, что *Российская культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала.*

Евразийство понимается сегодня вполне односторонне. В построениях евразийцев (и современных "неоевразийцев") Россия обычно противопоставляется Европе как часть Востока. Но Россия не принадлежит до конца ни Востоку, ни Западу. Конечно, значение индивидуальности в ее истории не так велико и ярко выражено, как в европейской цивилизации. Вместе с тем общинный уклад и коллективистское сознание здесь никогда не поглощали личность столь всецело, как в типично азиатском обществе. Патриархальное по форме сознание россиян неизменно подвергалось разрушению изнутри именно вследствие развития ростков индивидуальной культуры. Активно действующая личность — участник российской истории в той же мере, что и консервативная община. Часто община отторгала личность от себя, видя в ней чуждое начало. Личность, в свою очередь, конфликтовала с общиной, стремясь освободиться от архаичных канонov бытия. В то же время взаимодействие личности и общины в российской культуре не исчерпывается противостоянием. Общинная, патриархальная среда формирует очень самобытный тип личности со специфической "неевропейской" ментальностью. Сама община постоянно развивается под влиянием индивидуальности и потому не создает традиционной для Востока замкнутой и кастовой структуры общества. Коллективистское и индивидуальное начала в российской культуре столь тесно переплетены между собой и глубоко проникают друг в друга, что на этой основе возникает особая цивилизация, *качественно* отличающаяся от "классического" западного или восточного типа.

Далее. *Культура России образуется как неорганическое (неоднородное) явление и движется к органичности через длительную эволюцию.*

Под органичностью здесь подразумевается гомогенность, т.е. такое состояние культуры, при котором от своих истоков она существует

как целое, а ее элементы возникают и развиваются только в системе целого. В истории российской культуры, напротив, составляющие ее первоэлементы — личный и общинный — длительное время были как бы сами по себе, изначальны и безотносительны, переплетались, не соединяясь. Российская культура как целое была лишь их производным. В критические моменты истории она постоянно раскалывалась, обнаруживая воочию свою неоднородность. В процессе исторической эволюции культура обретала все более цельный, универсальный характер. Именно в этом движении от неорганичности к органичности и заключена особость развития российской культуры.

История России — это прежде всего постоянная культурная трансформация.

В России (наряду с естественным развитием национальной культуры из своей основы) происходили не имеющие, по всей видимости, аналогов изменения ("подвижки") самой этой основы. Иными словами, неоднократно менялся тип культуры, определяющий облик российского общества. Благодаря такому уникальному процессу внутреннего культурного преобразования история России резко отличается от истории европейских и азиатских обществ.

Субстанциальным воплощением неорганичности российской культуры является государство. Многие века государство в России было важнейшим фактором этногенеза. Именно поэтому вопрос о судьбе государственности всегда был принципиальным для общества.

В России, в отличие от Европы, личностное начало, конкурировавшее с патриархально-общинным, так и не стало самостоятельным фактором, определяющим историческое развитие. Вместе с тем в обществе, скованном традициями, постоянно накапливалось избыточное количество индивидуальной энергии. Когда оно достигало "критической массы", общественное равновесие нарушалось. Обрести устойчивое состояние общество могло лишь на новом уровне, пройдя через внутреннюю культурную трансформацию. Такие трансформации стимулировались вмешательством извне. "Внешним" регулятором соотношения общинного и личностного начал, инициирующим в случае необходимости переход общества из одного качественного состояния в другое, и выступало государство. Особая миссия государственности заключалась в том, что именно власть была главным фактором, который обеспечивал культурное движение нации: это предопределило принадлежность российской цивилизации к числу мировых, продемонстрировавших способность к непрерывному историческому развитию. Эффективность власти оценивалась прежде всего по ее влиянию на культурный процесс. Государство попеременно являлось творческой, созидающей силой или причиной застоя, выступало акселератором или тормозом общественного развития. В связи с этим разрушение государственной формы каждый раз воспринималось российским сознанием особенно болезненно, почти апокалиптически. Такая реакция объяснима: утрата государствен-

ности для России означала потерю исторической перспективы, так как власть была ресурсом, который питал эволюцию культуры, не давая ей застыть, напоподобие многих культур Востока.

Неорганичность российской культуры проявляла себя во времени как неравномерность исторического развития. Движение российской империи идет через перерывы постепенности. Дело не в том, что развитие периодически прерывалось тяжелейшими кризисами. В этом еще нет ничего специфического. Важно, что после каждого из таких кризисов история России как бы начиналась заново, что на месте одной культурной общности возникала другая. Менялся не только экономический, социальный или политический строй, изменялся "культурный тип" нации. И якобы новым, посткризисным общественным сознанием сама мысль об исторической преемственности эпох воспринималась как кощунство.

Периодические общественные кризисы имманентны российскому развитию. Именно в такие моменты происходил переход от одного внутреннего "культурного типа" к другому.

Сегодня настроения в нашем обществе носят апокалиптический характер. Происходит разрыв сложившихся связей, распад привычных устоев. Сознание проникнуто ощущением ущербности по отношению к другим народам, растерянностью и неуверенностью в будущем. Многими все это воспринимается как крах России. Неким "средством психотерапии" им могло бы служить напоминание о том, что подобное состояние духа отмечено в российском обществе как минимум в четвертый раз лишь за последние три века. Конец XVII в., середина прошлого и начало нынешнего столетий — поворотные точки российской истории, прохождение через которые сопровождалось мощными всплесками национального пессимизма, хотя история ни разу в точности не повторялась. Из каждого кризиса Россия выходила качественно обновленной. Социально-политические перемены имели не главное значение. Главным было именно изменением "культурного типа" общества. Несмотря на внешнее сходство экономических и политических ситуаций, настроений, решаемых обществом задач и т.д., каждый новый кризис был уникальным: он происходил в иной историко-культурной среде и обладал собственным "культурным" наполнением. Кризисы в России имели двойственную мотивацию. Как и везде в мире, они свидетельствовали о том, что конкретная общественная система изжила себя. Но не только об этом. Крупнейшие кризисы, пережитые Россией, отражали также готовность общества встать на очередную ступень в культурной эволюции. Это движение к органичности всегда было дискретным. То, что на поверхности выглядело кризисом, могло быть изменением характера национальной культуры. Поэтому необходимо осторожно подходить к оценке общественных кризисов в российской истории. Они часто являются признаком не только упадка существующего строя, но и указывают на интенсивное внутреннее культурное обновление.

Российская революция есть прежде всего культурная революция.

Революция в России — явление чрезвычайно сложное и многоплановое. В своем суждении — "Революция — конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого... К революциям ведут не созидательные, творческие процессы, а процессы гнилостные и разрушительные" — Н.Бердяев был прав лишь наполовину. Революция в России не была созидательной силой лишь в той части, в которой она может быть приравнена к любой другой социальной революции в Европе. Однако российские революции никогда не были типично европейскими. Они непосредственно вырастали из культурных противоречий, и их первым следствием было культурное преобразование, а лишь потом изменения в экономике и политике. Революции в России делят российскую историю на эпохи, различающиеся не столько социально-экономическим и политическим режимом, сколько напряженностью внутреннего культурного конфликта и (или) господствующим типом культуры.

В этой связи я хотел бы обратить внимание на ряд выводов, вытекающих из представленных посылок. Первое и главное состоит в том, что революция 1917 г. не есть тупик, обрыв русской истории, нечто, имеющее только отрицательный исторический эффект. Это в то же время и начало преодоления того культурного общественного раскола, который привел в тупик Российскую империю. Революция дала толчок к преодолению этого раскола.

Второе. На мой взгляд, надо иметь в виду, что в течение всего советского периода в России был создан новый культурный тип человека, о котором здесь сегодня уже говорили, — это всеми презираемый тип *homo soveticus*. При всех ужасных и отвратительных чертах этого культурного типа надо все-таки сказать, что впервые тем не менее в России возник культурный тип, который был универсален. А это значит, что исчезла ситуация, когда (как в дореволюционной России) существовало два совершенно разных культурных класса, и возникла культура, которую можно рассматривать как своего рода протобуржуазную культуру.

И последнее, что я хотел бы сказать. Для меня весь советский период выглядит как своеобразный подготовительный, промежуточный период, который подготавливал Россию к вступлению в свою эпоху модерна, в свое новое время. И с этой точки зрения я считаю, что этот период не был бессмысленным, он выполнил свою историческую миссию, он имеет свой позитив, как это ни кошунственно звучит. Никакого возврата назад, в прошлое, уже быть не может именно потому, что этот период оставил свой неизгладимый, частью позитивный, частью негативный след в истории российской культуры. Он подготовил то самое буржуазное развитие, о котором сейчас говорят, и без этого советского периода ни о каком буржуазном развитии, ни о какой эпохе модерна в России, наверное, невозможно было бы говорить. И то, что происходит сейчас, — скорее всего завершение

целого исторического цикла в истории России, который начался в XVII в. расколом, включая и петровскую империю, где этот раскол существовал в скрытой форме, придавленный имперским государством, включая и сложный период как бы преодоления этого культурного раскола в советское время, и подготовил сейчас общество к вступлению в эпоху индивидуализма.

Вопрос: Есть страны, где одна и та же культура и совершенно различные политические системы — Германия Западная и Восточная; Корея Северная и Южная. Что здесь можно сказать об особости путей развития?

Ответ: Я думал, что достаточно подчеркнул в начале своего выступления, что когда я говорю об особости пути, то я не говорю об уникальности. Видимо, это осталось не услышанным. Я просто подчеркиваю, что говоря здесь об изучении какого-то общества, его перспектив, мы не можем исходить только из глобальных мировых схем, из тезиса, что это общество является частью мира, должно развиваться по мировым цивилизационным схемам. Поэтому признание того отрадного факта, что Россия является частью мира, не освобождает исследователей от необходимости изучать, какой именно частью этого мира она является, и в чем же состоит ее специфика. Если же вы хотите сказать, что у России вообще нет никакой специфики, то я с вами в этом не соглашусь.

Что касается революции и контрреволюции, я тоже подчеркнул, что я не говорю о революции в европейском смысле, как социально-политической революции. Если бы я говорил в этом смысле, вы были бы абсолютно правы, что 1917 г. можно рассматривать как соединение революции и контрреволюции. Я же говорил о сложнейшей культурной революции, о своего рода культурном взрыве, который произошел по причине того, что силы империи были подточены двухвековым противостоянием друг другу своеобразных культурных классов, как вы знаете, сильно отличавшихся между собой не только бытом, ментальностью, но практически даже и языком: патриархального крестьянства, составлявшего огромную массу населения, и европеизированной элиты.

Поэтому, когда я говорю о революции начала века, я вовсе не имею в виду революцию большевистскую, буржуазную, какую угодно, я говорю о том, что произошел своего рода культурный взрыв, подготовленный предшествующим ходом истории.

Вопрос: Не кажется ли вам некоторым противоречием, что смысл советского периода заключается в подготовке условий для перехода к европейской буржуазности?

Ответ: Я с вами полностью соглашусь, если предположить, что когда мы говорим об обществе нового времени, об обществе эпохи модерна, то имеем в виду, что европейское общество есть одновременно и видовое и родовое понятие. Тогда, безусловно, вы правы, и действительно тогда можно предположить — когда я говорю о том, что Россия за последние семьдесят лет своеобразным и жестоким

путем готовилась к переходу к новому состоянию, она готовилась к переходу к европейскому состоянию.

Если предположить, что существует плюрализм культурного развития в мире, в том числе и внутри Европы и вне Европы, и есть нечто универсальное — и это универсальное есть некие принципы, на которых построено общество эпохи нового времени. Тогда ситуация выглядит иначе, универсальное — это, прежде всего, индивидуализм развития, то, что Гегель называл субъективным сознанием, в противовес субстанциональному сознанию. Если предположить, что разные культуры, разные народы идут разными путями к общей какой-то цели, то каждый создает общество эпохи нового времени по-своему. Я говорил, имея в виду только этот смысл. Естественно, более правильно будет сказать, что я рассматриваю этот семидесятилетний период как подготовительный период для входа России в *свое* новое время. Вопрос только в том, считать ли новое время и европейское новое время идентичным.

И еще один момент, я хочу обратиться к Вам, Герман Германович, потому что Вы сказали: что как это ни удивительно, но homo soveticus, вопреки всеобщему предубеждению, существо весьма индивидуалистическое. Но, собственно говоря, ведь развитие индивидуализма есть необходимая предпосылка развития общества эпохи модерна и развития капитализма. То есть, так или иначе, "через изнашивание", но мы развивали этот индивидуализм, без которого ни о каком капитализме говорить нельзя. В то же время нельзя забывать, что когда мы уничтожали вроде бы в семнадцатом году ростки индивидуализма в России, то мы уничтожали ростки индивидуализма, в лучшем случае, двадцати процентов России, в то время как у восьмидесяти процентов России никакого индивидуализма в принципе не было, это была патриархальная культура.

Теперь о кризисах. Безусловно, Вы правы. Я хотел этим подчеркнуть только, что кризисы в России всегда имеют двойственную природу. Кризис вообще может быть формой рационального сознания, как кто-то правильно отметил. Речь у меня идет о другом. В России кризис свидетельствовал всегда одновременно о двух вещах: и о том, что происходит упадок какой-то конкретной формы социально-экономической, политической, и одновременно о том, что назревают предпосылки для нового, своего рода этического, культурного скачка. То есть ведь недаром указывается, что Россия, по крайней мере, уникальна в том смысле, что в ее истории приблизительно пять раз менялся этический тип и личности, и общества. Русь Киевская, Русь эпохи феодальной раздробленности, Московское царство, имперская Россия и советская Россия — они, в отличие от той же Германии или Франции, различаются не просто социально-политическим устройством или экономическим устройством, они различаются прежде всего какими-то базовыми характеристиками культурного типа личности, который господствует в данный момент.

В Европе происходит на протяжении фактически всей ее истории плавное развитие индивидуализма, своего рода плавное движение двух процессов. Идет персонализация общества, т. е. распад традиционного общества и плавное нарастание индивидуалистических элементов. В России наблюдается гораздо более сложный процесс. Здесь идет скачкообразное, дискретное повышение уровня индивидуальности. При этом сохраняются все время как бы нетронутыми целые патриархальные пласты, не идет разложение русской общины. В любом случае — это моя позиция, я считаю, что особенности развития процесса индивидуализации и персонализации общества в России сильно отличаются от того, что мы наблюдаем в Европе. В общем, давайте остановимся на том, что это моя позиция.